

Эмили
БРОНТЕ

Грозовой перевал

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Emily Jane Brontë
WUTHERING HEIGHTS

Перевод с английского *Дарьи Целовальниковой*

Литературный редактор *Марина Стрепетова*

Школа перевода
В. Баканова

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Бронте, Эмили.

Б88 Грозовой перевал / Эмили Бронте ; [перевод с английского Д. Целовальниковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

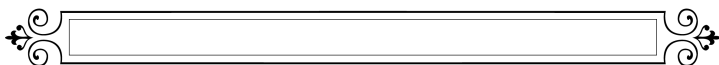
ISBN 978-5-04-220303-9

Роман-загадка, опрокидывающий все привычные представления о добре и зле, любви и ненависти. «Грозовой перевал» — одно из самых уникальных произведений мировой литературы. Эмили Бронте была вынуждена опубликовать его за свой счет и под мужским псевдонимом. Пока одни рецензенты восхищались оригинальностью автора, другие пришли в ужас от того, что происходит на вересковых пустошах Йоркшира, где бушуют демонические страсти сильных личностей, не желающих идти на уступки друг другу, и разворачивается история роковой любви Хитклифа, приемного сына владельца отдаленного поместья, к Кэтрин, дочери своего хозяина. Общество того времени было поражено необычайной эмоциональной силой романа и потрясено смелостью моральных концепций. «Грозовой перевал» завораживает своей красотой даже современного читателя.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Целовальникова Д., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-220303-9

Глава I

1801 год, я совсем недавно удостоил визитом помещика, у которого снимаю жилье, — единственного соседа, способного нарушить мой покой. До чего здесь красиво! Во всей Англии вряд ли сыщется местечко, настолько удаленное от светской суеты — истинный рай для мизантропа! — и мы с мистером Хитклифом подходим друг другу как нельзя лучше, чтобы делить уединение. Славный малый! Едва ли мой хозяин догадывается, как быстро я проникся к нему симпатией, когда заметил, что при виде меня он нахмурился и отвел взгляд, стоило мне подъехать ближе, и спрятал руки еще глубже в карман жилета, стоило мне назваться.

— Мистер Хитклиф? — осведомился я.

Он кивнул.

— Мистер Локвуд, ваш новый жилец. Я почел за честь нанести вам визит сразу по прибытии, дабы выразить надежду, что не очень вам докучал, хлопоча о скорейшем заселении в усадьбу «Долина дроздов» — как я слышал вчера, у вас возникли сомнения...

— «Долина дроздов» — моя собственность, — перебил он, поморщившись, — и я никому не позволю

мне докучать, если можно без этого обойтись. Входите же!

Приглашение он процедил сквозь зубы, словно велел мне проваливать к черту. Хозяин опирался на калитку, не проявляя ни малейшего энтузиазма, и именно последнее обстоятельство стало решающим: меня изрядно заинтриговал человек, который на первый взгляд казался гораздо более замкнутым, чем я сам.

Заметив, что грудь моей лошади почти упирается в калитку, он снял цепь и с угрюмым видом двинулся по дорожке. Войдя во двор, он окликнул слугу:

— Джозеф, возьми лошадь мистера Локвуда и неси вино.

«Надо полагать, здешний штат прислуги невелик, — подумал я, услышав двойное распоряжение. — Неудивительно, что между плитками двора проросла трава, а живую изгородь подравнивает лишь скот».

Джозеф оказался в летах, причем весьма глубоких, зато довольно жилистый и крепкий.

— Господи, помоги! — сердито проворчал он себе под нос, забирая лошадь, и глянул мне в лицо с таким кислым видом, что я великодушно предположил: бедняга не в силах переварить обед и действительно нуждается в божественном вмешательстве, посему благочестивое восклицание никак не связано с моим неожиданным появлением.

Жилище мистера Хитклифа называется «Грозовой перевал». Местные окрестили его так из-за одноименного атмосферного явления, в горах довольно распространенного. Да и вообще движение воздушных потоков здесь весьма оживленное, судя по силе северного ветра, дующего сверх всякой меры, о чем легко догадаться по чрезмерному наклону редких елей и ветвям боярышника, вытянутым в одном направлении, словно они вымаливают подаяние у солнца. К счастью,

строитель дома проявил предусмотрительность: узкие окна установлены глубоко в стене, углы надежно защищены массивными выступами.

Помедлив на пороге, я залюбовался причудливой резьбой, щедро украшавшей фасад и особенно дверь, над которой поверх ветшающих грифонов и бесстыдных мальчуганов красовалась дата «1500» и имя «Гэртон Эрншо». Я мог бы высказать пару замечаний и расспросить угрюмого хозяина насчет истории усадьбы, однако прохладная встреча располагала скорее к краткому визиту или даже к поспешному уходу, а мне не хотелось усугублять его недовольство, пока не загляну в святая святых.

Шаг — и мы уже в общей комнате, без всяких там прихожих или коридоров: ее-то местные и называют «домом». Обычно она служит одновременно кухней и гостиной, но, насколько я понял, на «Грозовом перевале» кухне пришлось ретироваться в другое помещение — по крайней мере, судя по гулу голосов и лязгу утвари, вдобавок вокруг огромного камина нет ни малейших следов жарки, варки или запекания еды, на стенах не блестят медные кастрюли и жестяные цедилки. Впрочем, в другом конце комнаты с массивного дубового буфета пышут светом и жаром оловянные блюда, серебряные кувшины и высокие пивные кружки, а полки возвышаются ряд за рядом до самой крыши. Никакого потолка под ней нет — все нутро открыто любопытным взорам, не считая того места, где крепится деревянная конструкция для хранения овсяных лепешек и гроздьев говяжьих, бараньих и свиных окороков. Над камином висят старинные, злодейского вида ружья и пара седельных пистолетов, на полке теснятся аляповато раскрашенные жестяные банки для сыпучих продуктов. Пол вымощен гладким белым камнем, грубо сколоченные кресла с высокими

спинками покрашены зеленой краской, в тени затаилась еще парочка черных, более громоздких экземпляров. В углублении под выгнутым дугою буфетом возлежит огромная темно-коричневая гончая с выводком повизгивающих щенков, другие собаки облюбовали другие закутки.

Жилище и мебель вроде бы самые обычные, под стать невзыскательному фермеру-северянину с упрямой физиономией и крепкими ногами, которые выгодно подчеркивают бриджи и гетры. В здешних горах подобный экземпляр встретишь в любом доме в радиусе пяти-шести миль, если нагрянуть сразу после обеда — сидит себе в кресле за круглым столом, потягивает пенящийся эль. Однако Хитклиф резко контрастирует с собственным жилищем и образом жизни. Смуглый как цыган, держится как джентльмен, насколько можно считать джентльменом деревенского сквайра: одет чуточку неряшливо, пожалуй, хотя легкая небрежность его ничуть не портит благодаря стройной, красивой фигуре, и глядит весьма угрюмо. Вероятно, иные заподозрили бы тут плебейскую гордость, мне же сердце подсказывает: ничего подобного, сдержанность Хитклифа вызвана тем, что ему претит выставлять напоказ чувства и любезничать. Он привык скрывать и любовь, и ненависть и сочтет за дерзость, если любовь или ненависть проявят к нему... Впрочем, я слишком забегаю вперед и щедро навязываю ему собственные качества! У Хитклифа могут быть совершенно иные причины уклоняться от навязчивого знакомства. Надеюсь, мой душевный склад уникален — как утверждала моя дражайшая матушка, обзавестись семейным очагом мне не суждено, и не далее как прошлым летом я подтвердил полную непригодность к созданию оного.

Целый месяц я наслаждался приятной погодой на побережье, и мне посчастливилось очутиться в обществе самого очаровательного создания — я считал ее настоящей богиней, пока она не обращала на меня внимание. Я не говорил о любви вслух, однако бросал такие взгляды, что и дураку ясно — я по уши влюблен. Наконец она все поняла и стала отвечать мне нежнейшими взглядами. Как же я поступил? Стыдно признаться, но я забился в свою раковину, словно улитка, и с каждым разом глядел все холоднее и отстраненнее, пока невитой сукой и парой кудлатых пастушьих собак зловещего вида, ревниво следивших за каждым моим движением. Не желая нарваться на клыки, я сидел тихо, и нная бедняжка не усомнилась в собственных чувствах и не убедила маменьку покинуть курорт, охваченная смятением из-за допущенной ошибки.

Благодаря этому странному повороту в своем расположении я и приобрел репутацию расчетливого эгоиста — видит бог, совсем незаслуженную.

Я уселся у края камина и попытался заполнить неловкую паузу, погладив кормящую суку, которая покинула щенков и подкрадывалась к моим икрам, словно голодная волчица: белые клыки обнажены, на пол капает слюна. Моя ласка спровоцировала протяжное гортанное рычание.

— Не троньте, — проворчал Хитклиф с легавой в унисон и пнул ее для острастки. — Собака рабочая, к нежностям не приучена. — Он стремительно подошел к боковой двери и вновь позвал слугу: — Джозеф!

Тот невнятно забубнил из глубины подвала, но на зов не поспешил. Хозяин сам к нему спустился, оставив меня наедине с задиристой сукой и парой кудлатых пастушьих собак зловещего вида, ревниво следивших за каждым моим движением. Не желая нарваться на клыки, я сидел тихо, и тут мне пришло в голову:

псы едва ли поймут оскорбления негласные! На свою беду, я принялся им подмигивать, строить гримасы и внезапно весьма преуспел — бандерша разъярилась и прыгнула ко мне на колени. Я отбросил ее назад, поспешно отгородился столом и тем самым взбудоражил всю стаю: из укромных лежбищ выскочило с полдюжины четвероногих исчадий ада всевозможных размеров и мастей и ринулось в центр комнаты. Предчувствуя, что мои ноги вот-вот станут объектом нападения, я отогнал кочергой самых нахрапистых и вынужденно воззвал к помощи домочадцев.

Мистер Хитклиф со слугой поднимались по ступенькам с досадным спокойствием: не думаю, что они двигались хоть чуточку быстрее, чем обычно, пусть перед очагом и разразилась нешуточная буря. К счастью, обитательница кухни проявила большую расторопность: на нас налетела дородная тетка с подоткнутым подолом, голыми руками и пылающим лицом, размахивая сковородой и костеря собак на чем свет стоит, в результате чего буря чудесным образом улеглась. Грудь женщины вздымалась, словно море после шторма, и тут появился хозяин.

— Какого черта происходит? — воскликнул он, смерив меня взглядом, который я едва выдержал после столь негостеприимного обращения.

— И в самом деле, какого черта?! — проворчал я. — Ваши зверюги ничуть не лучше, чем стадо одержимых свиней! Все равно что оставить гостя наедине с выводком тигров!

— Собаки не полезут к тому, кто сидит тихо, — заметил он, ставя передо мной бутылку и возвращая на место сдвинутый стол. — Они и должны проявлять бдительность. Выпьете бокал вина?

— Нет, спасибо.

— Не покусали?

— Случись такое, псина долго носила бы мою метину!

Лицо Хитклифа расплылось в улыбке.

— Полно, мистер Локвуд, успокойтесь. Присядьте, выпейте вина. В моем доме гости — большая редкость, поэтому ни я, ни собаки особо не знаем, как их принимать. Ваше здоровье, сэр!

Я поклонился и поддержал тост, начиная понимать, что глупо дуться на дурные повадки шавок, к тому же не хотелось давать этому субъекту повода надо мной потешаться, раз уж он настроился на веселый лад. Вероятно, исходя из благоразумного соображения, что хорошего арендатора обижать не стоит, Хитклиф отступил от привычной манеры речи — поменьше личных местоимений и вспомогательных глаголов — и заговорил на тему, которая, по его мнению, могла быть мне интересна: о преимуществах и недостатках моего нынешнего местообитания. Он выглядел весьма разумным, и на прощание я обещался нанести еще один визит — завтра же. Ему явно не по душе пережить мое вторжение дважды, но я все равно приду. Просто невероятно, насколько общительным я ощущаю себя рядом с ним!

Глава II

Вчерашний день выдался туманным и зябким. Я едва не решил провести его в кабинете у камина вместо того, чтобы тащиться на «Грозовой перевал» по слякоти среди вересковых пустошей. И все же, отобедав (примечание: обедать приходится между двенадцатью и часом дня, поскольку экономка, почтенная дама, которая прилагается к дому, не может или не желает внять моим просьбам и подавать обед к пяти часам пополудни), поднявшись по лестнице с этим праздным намерением и войдя

в комнату, я увидел стоявшую на карачках служанку в окружении щеток и ведерок для угля — негодница тушила пламя пригоршнями золы, поднимая адскую пылью. Зрелище заставило меня отпрянуть; я схватил шляпу и, прогулявшись четыре мили, добрался до садовых ворот Хитклифа как раз вовремя, чтобы избежать первых пушистых хлопьев начинающейся метели.

Землю сковал мороз, стылый воздух заставил меня дрожать с головы до ног. Поскольку отодвинуть цепь я бы не смог, то просто перемахнул через калитку, взбежал по мощеной дорожке, обрамленной разросшимися кустами крыжовника, и тщетно стучался, пока не заныли костяшки и не подняли лай собаки.

«Окаянные обитатели! — мысленно воскликнул я. — За свое скаредное негостеприимство вы заслуживаете вечного одиночества вдали от рода человеческого! Я-то хотя бы не запираю двери дома средь бела дня. Да гори все огнем — я войду!» Преисполнившись решимости, я схватился за щеколду и яростно ее затряс. Из круглого оконца сарая высунулась кислая физиономия Джозефа.

— Чего надо? — заорал он. — Хозяин в загоне для овец. Хотите с ним поговорить — обойдите вокруг житницы.

— Неужели дома никого, кто открыл бы дверь? — громко прокричал я в ответ.

— Есть хозяйка, и она не откроет, хоть до ночи ломитесь.

— Почему? Джозеф, разве ты не можешь ей сказать, кто я?

— Ну уж нет! Сами разбирайтесь, — пробормотала голова, исчезая.

Повалил густой снег. Я схватился за ручку, и тут с заднего двора вышел молодой человек без верхней одежды, с вилами на плече. Он велел следовать за

ним, и, пройдя через прачечную и мощеную площадку с сараем для угля, насосом и голубятней, мы наконец очутились в том большом, теплом, прекрасном помещении, где меня принимали в прошлый раз. В очаге приятно пылал огромный костер, сложенный из угля, торфа и дров; возле стола, накрытого для сытной вечерней трапезы, я с удовольствием увидел «хозяйку», о чьем существовании прежде не догадывался. Я поклонился и подождал в надежде, что она предложит мне сесть. Она молчала, откинувшись на спинку кресла, и смотрела на меня.

— Суровая погода! — воскликнул я. — Боюсь, миссис Хитклиф, на двери остались отметины — ваши слуги не спешили отворять, и пришлось изрядно потрудиться, чтобы меня услышали.

Она и рта не раскрыла. Я уставился на нее — она уставилась в ответ и смотрела холодным, равнодушным взглядом, крайне конфузным и неприятным.

— Сядьте, — угрюмо бросил молодой человек. — Он скоро придет.

Я подчинился, хмыкнул и позвал негодяйку Юнону, которая при второй встрече соизволила дернуть кончиком хвоста в доказательство того, что мы знакомы.

— Красивая собака! — сделал я второй заход. — Намерены ли вы расстаться с малышами, мадам?

— Щенки не мои, — огрызнулась любезная хозяйка, способная дать фору самому Хитклифу.

— Ах, так ваши любимицы вон там? — продолжил я, кивнув на подстилку в углу, где вроде бы лежали кошки.

— Станный выбор для любимиц! — презрительно заметила она.

К несчастью, я принял за кошек мертвых кроликов. Я смущенно хмыкнул и придвинулся к очагу, повторив свое наблюдение о ненастной погоде.

— Напрасно из дому вышли, — проговорила она, поднимаясь с кресла, и сняла с каминной полки две раскрашенные банки.

Прежде она сидела вдали от света, теперь же я наконец разглядел и фигуру, и лицо. Стройная, почти девочка — восхитительно сложена, с самым изумительным личиком, какое мне доводилось видеть: черты мелкие, очень правильные; белокурые или скорее золотистые локоны свободно падают на нежную шейку; и глаза, гляди они приветливее, были бы совершенно неотразимы. К счастью для моего влюбчивого сердца, единственное чувство, которое они выражали, колебалось где-то между презрением и отчаянием, несколько противоестественным для столь юных лет. Банки стояли почти вне ее досягаемости, и я дернулся помочь; она напустилась на меня, словно скряга, занятый подсчетом своих сокровищ, к которому сунулись с непрошеным участием.

— Помогать ни к чему! — отрывисто бросила она. — Сама достану.

— Прошу прощения! — поспешил извиниться я.

— К чаю вас звали? — осведомилась она, повязав фартук поверх аккуратного черного платья и занеся ложку заварки над чайником.

— С удовольствием выпью чашечку, — уклончиво ответил я.

— Вас пригласили? — допытывалась она.

— Нет, — улыбнулся я. — Кому как не вам приглашать гостей!

Она швырнула заварку и ложку обратно в банку, с досадой села в кресло, насупилась и выпятила алую нижнюю губу, словно ребенок, готовый разреветься.

Тем временем молодой человек накинул потрепанную куртку и, встав напротив жаркого пламени, смерил меня таким взглядом, словно нас разделяла

смертельная вражда. Я усомнился, что он слуга: несмотря на убогую одежку и грубость манер, полное отсутствие чувства собственного превосходства, которое отличало мистера и миссис Хитклиф, несмотря на нечесанные, кое-как обкромсанные каштановые кудри, косматые баки во всю щеку и загорелые, словно у деревенского батрака, руки, проскальзывало в нем некое вольнолюбие, почти надменность; к тому же он ничуть не выказывал перед хозяйкой дома усердия слуги. Не имея прямых доказательств статуса юноши, я счел за лучшее игнорировать его странное поведение. Минут через пять появился Хитклиф, отчасти положив конец неловкости моего положения.

— Вот я и пришел, сэр, как обещался! — воскликнул я, напуская на себя бодрый вид. — Боюсь, мне придется искать у вас пристанища от непогоды в ближайшие полчаса!

— Полчаса? — повторил он, стряхивая с одежды белые хлопья. — Как вам вообще пришло в голову бродить тут в пургу? Неужели не знаете, что рискуете заблудиться среди болот? В подобные вечера и старожилы часто теряют дорогу, и я вас уверяю, что в ближайшее время погода вряд ли изменится.

— Возьму в провожатые одного из ваших работников, потом пусть заночует в усадьбе... Ну как, отпустите кого-нибудь?

— Нет, не могу.

— Ах вот как! Что ж, придется как-нибудь самому... Хитклиф хмыкнул.

— Чай сегодня будет? — требовательно обратился он к молодому человеку в потрепанной куртке, переподившему свирепый взгляд с меня на юную леди.

— Ему наливать? — уточнила она у Хитклифа.

— Заваривайте, да поскорее! — рыкнул он так гневно, что я невольно вздрогнул. Самый тон выдавал на-

туру пропащую. Теперь я не назвал бы Хитклифа славным парнем. Когда приготовления завершились, он пригласил меня фразой: «Ну же, сэр, двигайте свое кресло ближе». И все мы, включая юнца-деревенщину, подсели к столу и принялись за еду в полном молчании.

Я решил, что раз уж омрачил их трапезу, то мой долг — попытаться развеять тучи. Не могут же здешние обитатели всегда сидеть за столом с мрачным видом и молчать; какими бы вспыльчивыми они ни были, вряд ли ходят с хмурыми лицами каждый день.

— Удивительно, — начал я, осушив свою чашку и дожидаясь, пока мне нальют снова, — насколько сильно обычаи сказываются на наших вкусах и убеждениях: многим и не представить счастье, которое способна подарить та жизнь в глуши, каковую ведете вы, мистер Хитклиф, и ваша любезная госпожа. И все же, осмелюсь заявить, в окружении семьи, под чутким руководством доброго гения, владеющего вашим домом и сердцем...

— Моя любезная госпожа?! — взвился он с дьявольской усмешкой. — Где же она, моя любезная госпожа?

— Я имею в виду миссис Хитклиф, вашу жену.

— Полагаете, ее дух, словно заботливый ангел, печется о благосостоянии «Грозового перевала» даже после того, как тело истлело?

Осознав свою ошибку, я попытался ее исправить. Мог бы и сообразить, что разница между ними в годах слишком велика для мужа и жены! Ему под сорок — возраст расцвета ума, в котором мужчины редко питают иллюзии, что девушки идут за них по любви — эту мечту они приберегают для утешения на склоне лет. Она же выглядит не старше семнадцати.

И тут я сообразил: клоун сбоку от меня, который пьет чай из ковшика и берет хлеб немывтыми руками, может быть ее мужем — Хитклиф-младший, ну конечно! Вот к чему ведет жизнь в глуши — она отдалась простому мужлану по незнанию, потому что даже не догадывалась о существовании экземпляров получше! Весьма прискорбно... Представляю, как бедняжка пожалела о своем выборе, увидев меня! Последнее соображение может показаться тщеславным, но это не так. Мой сосед производит почти омерзительное впечатление, про себя же по опыту знаю, что довольно хорош собой.

— Миссис Хитклиф мне невестка, — пояснил Хитклиф, подтвердив мою догадку. Он бросил в ее сторону странный взгляд, полный ненависти, если только лицевые мышцы его не подвели, ведь, как правило, они отражают движения души человека.

— Ну конечно, теперь я понял! Счастливый обладатель сей благодетельной феи — вы, — заметил я, повернувшись к соседу.

Стало лишь хуже: юнец побагровел и сжал кулаки, всем видом демонстрируя готовность на меня накинуться. Впрочем, ему удалось себя обуздать, и порыв излился грязным ругательством в мой адрес, чего я благоразумно предпочел не заметить.

— Не везет вам с догадками, сэр, — заметил мой хозяин, — ни один из нас не имеет чести быть обладателем сей благодетельной феи — ее супруг умер. Я сказал, что она мне невестка — следовательно, вышла замуж за моего сына.

— А этот молодой человек...

— Разумеется, не мой сын!

Хитклиф вновь улыбнулся, словно приписывать ему отцовство этого увальня было слишком смелой шуткой.